

Ж. Санд

Ускок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж11

Ж11 **Ж. Санд**
Ускок / Ж. Санд – М.: Книга по Требованию, 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-4241-1729-9

В 1838 году было написано удивительное произведение известной писательницы Жорж Санд. Название этой книги «Ускок».

ISBN 978-5-4241-1729-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Ж. Санд, 2021

Жорж Санд
Ускок

— Кажется, Лелио, — сказала Беппа, — мы вогнали в сон достойного Ассей-ма Зузуфа.

— Ему скучно слушать наши рассказы, — заметил аббат. — Он человек слишком серьезный, чтобы его занимали такие легковесные сюжеты.

— Простите, — ответил мудрый Зузуф. — На моей родине страстно любят слушать рассказы. В наших кофейнях постоянно выступают рассказчики, как у вас — импровизаторы. Свои повествования они ведут то в прозе, то в стихах. На моих глазах английский поэт слушал их целыми вечерами.

— Какой английский поэт? — спросил я.

— Тот, кто воевал на стороне греков и от кого европейцы узнали историю Фрозины и еще другие восточные предания, — сказал Зузуф.

— Пари держу, что он не знает имени лорда Байрона! — вскричала Беппа.

— Отлично знаю, — возразил Зузуф. — Я только не решаюсь его выговорить, потому что, когда я это делал при нем самом, он всегда усмехался. Видно, я очень плохо произношу.

— При нем! — вскричал я. — Значит, вы с ним встречались?

— Часто встречался, главным образом в Афинах. Там-то я и рассказал ему историю ускока, которую он изложил по-английски в «Корсаре» и «Ларе».

— Как, дорогой Зузуф, — сказал Лелио, — так это вы — автор поэм Байрона?

— Нет, — ответил керкирец, которого эта шутка несколько не рассмешила.

— Он ведь совсем изменил эту историю, да к тому же я вообще не могу быть ее автором, так как она — быль.

— Ну, так вы нам ее расскажете, — сказала Беппа.

— Но вам она должна быть известна, — ответил он. — Это ведь скорее венецианская повесть, чем восточная.

— Я слышала, — продолжала Беппа, — что сюжет «Лары» навеяла Байрону смерть графа Эдзелино, которого — дело было в эпоху морейских войн — убил ночью у перевала Сан-Миниато какой-то ренегат.

— Значит, — сказал Лелио, — это не тот знаменитый мрачный Эдзелин...

— Кто может знать, — вмешался аббат, — кем был на самом деле тот Эдзелин и в особенности Конрад? Зачем доискиваться, какая историческая правда лежит в основе красивой, поэтической выдумки? Не означает ли это лишить ее всякой прелести и аромата? Если бы что-нибудь могло умерить мое поклонение Байрону, так это историко-философские примечания, которыми ему вздумалось подкрепить правдоподобие своих поэм. К счастью, теперь уже никто не требует от него отчета, откуда взялись его божественные выдумки, и мы знаем, что самое исторически достоверное лицо его поэм — это он сам. Благодаря богу и своему гению он изобразил себя в этих возвышенных образах. Да и какая другая модель была бы достойна позировать такому художнику?

— Все же, — сказал я, — мне хотелось бы обнаружить в каком-нибудь позабытом, темном уголке материалы, которыми он пользовался, воздвигая эти величественные здания. Чем проще и грубее они оказались бы, тем больше восхищался бы я искусством, с которым он их применил. Вот так же точно хотел бы я видеть женщин, послуживших моделью для мадонн Рафаэля.

— Если вам любопытно знать, кто первый корсар, которого Байрону пришлось в голову прославить под именем Конрада, или Лары, — сказал аббат, — нам, я думаю удастся его обнаружить, ибо мне известна одна история, имеющая пора-

зительные черты сходства с этими двумя поэмами. Наверное, дорогой Ассейм, ту же самую историю вы и рассказали английскому поэту, когда подружились с ним в Афинах?

— Видимо, ту же, — ответил Зузуф. — Но раз вы ее знаете, так и расскажите сами: вам это будет легче сделать, чем мне.

— Не думаю, — ответил аббат. — Многие я позабыл или, вернее сказать, никогда как следует не знал.

— Так расскажем ее вместе, — сказал Зузуф. — Вы поможете мне в той части, что происходила в Венеции, а я вам во всем, что имело место в Греции.

Предложение было принято. Оба приятеля говорили по очереди, иногда споря по поводу собственных имен, дат и подробностей, которые аббат, весьма дотошный историк, объявлял вдруг вымышленными, в то время как левантинец, которому дороже всего была игра фантазии, совершенно не обращал внимания на анахронизмы или топографические ошибки. И таким образом история ускока дошла до нас в этих обрывках. Я попытаюсь соединить их в нечто целое, хотя, может быть, память мне во многом изменит и я не окажусь столь точным, как этого мог бы пожелать аббат Панорио, если бы он прочитал эти страницы. Но, к счастью для нас, эти наши рассказы оказались достойными попасть в индекс его святейшества (что наверняка никому не пришло бы в голову), а так как его величество император австрийский, *которого тоже никто не ожидал бы увидеть замешанным в это дело*, в Венеции проводит в жизнь все папские запреты, можно не опасаться, что мой рассказ станет там известен и получит хотя бы самое ничтожное опровержение.

— Во-первых, что такое ускок? — спросил я в тот момент, когда достойнейший Зузуф разглядел бороду и уже раскрыл рот, чтобы начать свое повествование.

— Невежда! — произнес аббат. — Слово *uscocco* происходит от *scoso*, что по-далматски значит *перебежчик*. Ускоки, их происхождение и различные приключения занимают в истории Венеции немалое место. К ней я вас и отсылаю. Пока же вам достаточно узнать, что австрийские императоры и принцы нередко использовали этих разбойников для защиты приморских городов от нападений турок. А чтобы не платить этому устрашающему гарнизону, который малым бы не удовольствовался, Австрия закрывала глаза на пиратские деяния ускоков, и они грабили все, что им встречалось в Адриатике, губили торговлю республики и разоряли провинции Истрии и Далмации. Долгое время они гнездились в Сени, в глубине Кварнерского залива, где под защитой высоких гор и густых лесов успешно отражали многочисленные попытки уничтожить их. Около 1615 года между Венецией и Австрией заключен был договор, который наконец выдал их мщению венецианцев, и побережье Италии было от них очищено. Таким образом, ускоки как нечто целое перестали существовать, и, вынужденные рассеяться, они принялись странствовать по морям и умножили число флибустьеров, которые всегда и всюду вели войну с торговлей любых наций. И долго еще после изгнания этого люда, самого дикого, грубого и свирепого из всех, живущих убийством и грабежом, одно слово ускок вызывало ужас и ненависть у наших военных и торговых моряков. Тут как раз уместно обратить ваше внимание на различие между званием корсара, которое Байрон дал своему герою, и ускока, которое носил наш. Различие это приблизительно то же, какое существует между бандитами в современной драме и опере и разбойниками с большой дороги, авантю-

ристами из романов и обыкновенными мошенниками — словом, между фантазией и действительностью. Подобно корсару Конраду, наш усюк происходил из благородного дома и аристократического общества. Однако дело не в этом: поэту угодно было в заключение сделать его великим человеком, да иначе и быть не могло, ибо — пусть уж не гневается наш друг Зузуф — он постепенно позабыл о герое его афинского рассказа и видел в Конраде уже только лорда Байрона. Что же до нас, стремящихся не отходить от исторической правды и оставаться верными реальной жизни, то мы покажем вам гораздо менее благородного пирата.

— Корсар в прозе! — сказал Зузуф.

— Для турка он очень остроумен и весел, — сказала мне тихонько Беппа.

Рассказ наконец-то начался.

В конце семнадцатого столетия — в те годы, когда разразилась знаменитая морейская война, в правление дожа Маркантонио Джустиньяни, — жил в Венеции потомок венецианских дождей, последний представитель рода Соранцо, Пьер Орио, который как раз проедал и проживал остатки огромного состояния. Это был еще молодой человек, отличавшийся красотой, редкостной силой, бурными страстями, неукротимой гордыней и неутомимой энергией. По всей республике славился он своими поединками, расточительностью и разгульным образом жизни. Казалось, он нарочно испытывает все способы растратить свои жизненные силы, однако — безуспешно. Сталь меча не могла причинить вреда его телу, никакие излишества не подтачивали его здоровья. Но с богатством вышло совсем по-другому: оно не устояло против каждодневных обильных кровопусканий. Видя, что приближается разорение, друзья пытались образумить его, задержать у края роковой пропасти. Однако он ни на что не пожелал обратить внимание и на самые благоразумные речи отвечал только шутками или дерзостями, одного обзывая педантом, другого — подголоском пророка Иеремии, и просил всех, кому его вино не по вкусу, идти пить в другое место, грозя ударами шпаги всякому, кто вернется надоедать ему разговорами о делах. Так он и поступал до самого конца. Когда же все его имущество было полностью растрчено и оказалось, что продолжить прежний образ жизни совершенно невозможно, он впервые по-настоящему задумался о своем положении. Хорошо все обдумав, он решил, что возможны три выхода: первый — пустить себе пулю в лоб и предоставить заимодавцам разбираться, как они уж там смогут, среди разбросанных в разные стороны осколков его богатства; второй — уйти в монастырь; третий — привести в порядок дела, а затем отправиться воевать с турками. Этот третий выход он избрал, решив, что лучше уж пробивать черепа другим, чем самому себе, и что это последнее всегда успеется. Поэтому он продал все свои владения, заплатил долги, а на оставшиеся деньги, на которые ему не прожить было бы и двух месяцев, снарядил и вооружил галеру и двинулся навстречу басурманам. Их он заставил дорого заплатить за свои юношеские безумства. Всех, кто попадался на его пути, он атаковал, грабил и уничтожал. Очень скоро его небольшая галера стала грозой Адриатики. Когда война окончилась, он возвратился в Венецию прославленным капитаном корабля. Желая показать, как ценит республика его услуги, дож поручил ему на следующий год весьма ответственный пост во флоте, которым командовал знаменитый Франческо Морозини. Последний не раз был свидетелем удивительных подвигов Соранцо, восхищался его военными дарованиями и храбростью и чувствовал к нему самое дружеское расположение.

Орио сразу сообразил, какую выгоду сможет он извлечь из этой дружбы для своего личного продвижения. Поэтому он использовал все средства для ее укрепления и оказался достаточно умен, чтобы стать сперва любимцем командующего, а затем и породниться с ним.

У Морозини была племянница лет восемнадцати, прекрасная и добрая как ангел, — единственная его привязанность, и он относился к ней, как к родной дочери. Если не говорить о славе республики, то ничто другое на свете не было ему дороже, чем счастье этой обожаемой им девушки. Поэтому он давал ей во всем и всегда поступать по ее воле. А если кто-либо, считая эту крайнюю уступчивость опасной слабостью, упрекал его за излишнее баловство, он отвечал, что рожден на свет божий воевать с турками, а не со своей дорогой Джованной; что старики и без того докучают молодежи своим возрастом, — нечего добавлять к этому длинные проповеди и унылые наставления; что к тому же алмазы никогда не портятся, что бы с ними ни делать, а Джованна — драгоценнейший на земле алмаз. Вот он и предоставил девушке в выборе мужа, как и во всем остальном, полнейшую свободу, ибо у него хватало богатства, чтобы не принимать в расчет состояния того, за кого она пожелает выйти.

Среди многочисленных претендентов на ее руку Джованна обратила благосклонное внимание на юного графа Эдзелино из рода князей Падуанских, чей благородный характер и добрая слава достойно поддерживали честь высокого имени. Несмотря на свою молодость и неопытность, она сразу увидела, что его влекут к ней не тщеславные и корыстные соображения, как других, а искренняя любовь и нежность. И она вознаградила его за это уважением и дружбой. Она готова была даже назвать любовью свои чувства к нему, и граф Эдзелино льстил себя надеждой, что зажег в ней такую же страсть, какую испытывал сам. Морозини дал уже согласие на этот достойный брак; ювелиры и ткачи готовили свои самые ценные и редкостные товары для наряда невесты; весь аристократический квартал Дель Кастелло собирался участвовать в празднествах, которые должны были продолжаться несколько недель. Повсюду украшались гондолы, обновлялись наряды, и все наперебой старались обнаружить хоть какое-нибудь родство со счастливым женихом, которому предстояло обладать самой красивой женщиной и стать хозяином самого блестящего дома во всей Венеции. День был назначен, приглашения разосланы, в обществе только и говорили, что об этой аристократической свадьбе. И вдруг начали передавать из уст в уста какую-то странную новость: граф Эдзелино прекратил все приготовления к свадьбе и оставил Венецию. Одни уверяли даже, что он убит; другие — что по приказу Совета Десяти его подвергли изгнанию. Но почему для его отсутствия находили причины столь зловещие? Во дворце Морозини по-прежнему царил суета и шум: приготовления к свадьбе продолжались, приглашения оставались в силе. Прекрасная Джованна отправилась со своим дядей в деревню, но ко дню свадебного торжества должна была возвратиться. Так писал флотоводец своим друзьям, приглашая их участвовать в радостном семейном празднестве.

С другой стороны, люди, достойные доверия, встречали якобы графа Эдзелино в окрестностях Падуи, где он с необычайным пылом увлекался охотой, никак, видимо, не торопясь вернуться в Венецию. А согласно самым последним слухам, он будто бы удалился на свою виллу и заперся там в горести и одиночестве, проводя в слезах бессонные ночи.

Что же, собственно, происходило? Венецианцы — самые любопытные на свете люди. Тут же все давало обильную пищу дамским пересудам и насмешливым выпадам молодых людей. Несомненным оставалось, по-видимому, что Морозини выдает племянницу замуж. Однако никто не сомневался в том, что выдает он ее не за Эдзелино. По какой же таинственной причине брак этот оказался расторгнутым накануне заключения? И какой другой жених нашелся, словно по волшебству, для замены единственного претендента, казавшегося до последнего времени наиболее подходящим? Все терялись в догадках.

В один прекрасный вечер можно было заметить, как по Фузинскому каналу скользит очень скромного вида гондола. Но шла она так быстро и гондольеры имели такой бравый вид, что всем стало ясно: некое весьма высокопоставленное лицо инкогнито возвращается из деревни. Несколько катавшихся по тому же каналу бездельников подошли на близкое расстояние к этой гондоле и увидели высокородного Морозини, сидевшего рядом с племянницей. У ног Джованни полулежал Орио Соранцо, и в нежной заботливости, с которой Джованна гладила белого красавца — борзого пса Орио, сквозил целый мир наслаждений, надежды и любви.

— Подумать только! — вскричали все дамы, дышавшие вечерней прохладой на террасе дворца Мочениго, когда через какой-нибудь час новость дошла до светского люда. — Орио Соранцо! Этот шалопаи! — Затем воцарилось глубокое молчание, и никто не задал себе вопроса — как же могла случиться подобная вещь? Те из дам, кто громче всего высказывали свое презрение к Орио Соранцо и жалость к Джованне, слишком хорошо знали, насколько Орио неотразим.

Однажды вечером Эдзелино, который весь день провел в гуще леса, преследуя вепря, возвратился домой грустный и усталый. Охота была замечательной, и верховые егеря графа удивлялись, как это чело их господина не разгладилось от столь удачного дня. Его унылый вид и мрачный взгляд как-то уж очень не соответствовали фанфарам и залиvistому собачьему лаю, отдававшимся веселым эхом на башенках старого замка. Когда граф переезжал через подъемный мост, курьер, прибывший за несколько минут до него, вышел ему навстречу и, держась рукой за поводья своего тяжело дышащего, запыленного коня, протянул ему, склоняясь почти до самой земли, письмо, которое только что привез. Граф, бросивший на него сперва довольно холодный и рассеянный взгляд, вздрогнул при имени, которое произнес посланец. Судорожным движением схватил он письмо, остановил своего горячего скакуна так резко, что поднял его на дыбы, затем на мгновение застыл в мрачной нерешительности, словно намереваясь ответить на переданное ему послание презрительным и дерзким словом. Но, почти сразу же успокоившись, он дал посланцу золотой цехин и спешил прямо на мосту, словно считал, что подъехал уже к дверям, ведущим в его покои. Он небрежно бросил поводья своего благородного коня, и они так и влачили по пыльной земле.

Около часа сидел он, запершись, в своем кабинете, пока не явился его берейтор. Курьер, повинувшись приказу своих господ, собирается возвращаться в Венецию, доложил берейтору, и спрашивает, что велит передать им благородный граф. Эдзелино словно очнулся от сна. По его знаку берейтор подал ему письменные принадлежности, и на следующее утро Джованна Морозини получила из рук курьера нижеследующий ответ.

«Вы пишете, сударыня, что в обществе ходят разного рода слухи по поводу вашего предстоящего замужества и моего отъезда. Согласно одним, я заслужил немилость вашей семьи каким-то низким поступком или постыдной связью. Согласно другим, у меня имеются настолько основательные причины жаловаться на вас, что я мог нанести вам такое оскорбление, как отъезд накануне брака. Что до первого из этих слухов, то вы, сударыня, слишком добры и проявляете излишнюю обо мне заботливость. Сейчас я весьма мало чувствителен к тому, как будет воспринято обществом мое несчастье; само по себе оно достаточно велико, чтобы я не усугублял его менее важными заботами. Что до второго предположения, о котором вы пишете, я вполне понимаю, как должна страдать от него ваша гордость. Гордость же эта, сударыня, основывается на притязаниях слишком законных, чтобы я стал восставать против того, что она вам в данный момент подсказывает. Решение ваше жестоко, тем не менее в жалобах своих я ограничусь тем, что все выскажу вам сейчас, а завтра подчинюсь вашей воле. Да, я вновь появлюсь в Венеции и, рассматривая ваше приглашение как приказ, буду присутствовать на вашей свадьбе. Вы желаете, чтобы я всем явил зрелище своей скорби, вы хотите, чтобы вся Венеция прочла на лице моем приговор вашего пренебрежения. Я согласен с тем, что мнение общества должно заклать одного из нас во славу другого. Дабы вашу милость не могли обвинить в измене или вероломстве, надо, чтобы меня высмеяли, чтобы на меня показывали пальцем, как на дурака, который терпеливо сносит, что его так вот, с сегодня на завтра, заменяют другим. Я от всего сердца на это соглашаюсь, — забота о вашей чести мне дороже собственного достоинства. Пусть, однако же, те, кто найдет меня чересчур покладистым, приготовятся дорого заплатить за это! Триумф Орио Соранцо будет полным: за его колесницей пройдет даже побежденный со связанными за спиной руками и печатью позора на челе! Но пусть Орио Соранцо никогда не перестанет казаться вам достойным такой славы, ибо если это случится, побежденный, пожалуй, ощутит, что руки у него свободны, и докажет ему, что забота о вашей чести, сударыня, — главное, единственное попечение вашего верного раба, и т. д.»

В таком духе составлено было это письмо, вдохновенное возвышенными чувствами, но во многих местах написанное стилем, свойственным тому времени, — настолько напыщенным и перегруженным всевозможными антитезами и другими витиеватыми фигурами, что я принужден был для более ясного понимания изложить его на более современный лад.

На следующий день с закатом солнца граф Эдзелино покинул замок и спустился вниз по течению Brenty в своей гондоле. Когда к утру он прибыл в палаццо Меммо, там все еще спали. Благородная госпожа Антония Меммо была вдовой Лотарио Эдзелино, дяди молодого графа. Находясь в Венеции, граф всегда жил у нее, тем более что поручил ей воспитание своей сестры Арджири, пятнадцатилетней девицы, необычайно красивой и обладающей таким же благородным сердцем, каким обладал и он сам. Эдзелино любил сестру не меньше, чем Морозини — свою племянницу. Она была единственной оставшейся у него близкой родственницей и до знакомства с Джованной Морозини единственным существом, которое он любил. Теперь Джованна бросила его, и он с еще большей нежностью возвращался к своей юной сестре. Когда он приехал, во всем дворце только она одна уже не спала. Она бросилась ему навстречу и оказала самый

сердечный прием. Но Эдзелино почудилось в ее приветливости какое-то легкое смущение или даже опасение. Он принялся расспрашивать ее, но так и не разузнал невинной тайны. Однако он понял причину ее озабоченности, когда она стала умолять его немного поспать, вместо того чтобы выйти в город, как он намеревался. Сестра словно стремилась скрыть от него некую неминуемую беду, и когда она вздрогнула, услышав большой колокол башни Святого Марка, Эдзелино был уже совершенно уверен в правильности своего предположения.

— Крошка моя Арджирия, — сказал он ей, — ты думаешь, я не знаю, что здесь готовится? Ты боишься моего присутствия в Венеции в день свадьбы Джованны Морозини. Не опасайся ничего: ты же видишь — я спокоен. Я даже нарочно приехал, чтобы присутствовать на этой свадьбе по полученному мною приглашению.

— Неужто они посмели тебя пригласить?! — вскричала девушка, стиснув руки. — У них хватило наглости и бесстыдства известить тебя об этом браке? О, я ведь была подругой Джованны! Бог свидетель, что пока она любила тебя, и я любила ее как сестру. Но сейчас я ее презираю и ненавижу. Меня ведь тоже пригласили на ее свадьбу, но я не пойду. Я сорву цветы с ее головы, разорву ее венчальную фату, если увижу, что в таком уборе она выступает об руку с твоим соперником. О, боже! Предпочесть моему брату этого Орио Соранцо, распутника, игрока, человека, который презирает всех женщин и который свел в могилу свою мать! Как, брат мой, ты встретишься с ним лицом к лицу? О, не ходи туда! Раз ты хочешь идти, значит ты задумал что-то ужасное. Не ходи, покарай презрением эту пару, недостойную твоего гнева. Пусть Джованна наслаждается своим горьким счастьем. В нем она найдет свою кару.

— Дитя мое, — ответил Эдзелино, — я очень тронут твоей заботой, я счастлив, что ты так сильно любишь меня. Но не опасайся ни гнева моего, ни скорби; ты ведь понятия не имеешь, что именно у меня произошло. Знай, девочка моя, что Джованна Морозини ни в чем передо мной не провинилась. Она меня полюбила и простодушно в этом призналась, она согласилась выйти за меня замуж. Потом появился другой, человек более ловкий, более дерзновенный, более предприимчивый, которому нужно было ее богатство и который, чтобы заполучить ее, сумел стать велеречивым оратором и великим актером. Он победил, она предпочла его. Она мне сама это сказала, и я отошел в сторону. Она сказала мне это искренно, с кротостью и даже добротой. Так что не надо тебе ненавидеть Джованну, останься ее подругой, как я остаюсь ее слугой. Поди, разбуди тетю, попроси ее нарядить тебя в самый лучший твой наряд и пойти вместе со мной и с тобой на свадьбу Джованны Морозини.

Велико было изумление тетки, когда расстроенная девушка сообщила ей о намерениях графа. Но она нежно любила его, верила ему и преодолела свое нежелание присутствовать на свадьбе. Обе женщины в богатых нарядах отправились вместе с графом Эдзелино в собор святого Марка; пожилая одета была с величавой, тяжелой роскошью старины, юная — со вкусом и изяществом, свойственными ее летам.

Одевались они довольно долго, и потому когда Эдзелино появился вместе с ними на паперти базилики, месса и брачная церемония пришли уже к концу. Входя в церковь, он, таким образом, очутился лицом с Джованной Морозини и Орио Соранцо, которые, держась за руки, как раз выходили из храма во главе

торжественной процессии. Джованна и впрямь была жемчужиной красоты, *жемчужиной Востока*, как тогда говорили, и белые розы ее свадебного венка были не чище и не свежее, чем юное чело, которое они окружали девственной диадемой. Самый красивый из пажей нес за нею длинный шлейф ее платья из серебряной парчи, с корсажем, затянутым усеянной бриллиантами сеткой. Но ни красота ее, ни убор не ослепили юную Арджирию. Не менее прекрасная, не менее роскошно одетая, она крепко сжала руку брата и уверенно двинулась навстречу Джованне. Ее горделивая осанка, полный упрека взгляд и чуть горькая улыбка смутила Джованну Соранцо. Она побледнела, как сама смерть, завидев брата и сестру: его — безмолвного и спокойного, как не знающая выхода безнадежность, ее — казавшуюся живым выражением скрытого негодования Эдзелино. Орио почувствовал, как его юная жена пошатнулась, но, казалось, он даже не увидел Эдзелино. Все его внимание обратилось к Арджирии, и он устремил на нее странный, пристальный взгляд, в котором смешивались пылкое восхищение и наглость. Арджирию этот взгляд смутил не меньше, чем ее собственный — Джованну. Она, вся трепеща, оперлась на руку Эдзелино, а возникшее в ней чувство приняла за ненависть и возмущение.

Тогда Морозини подошел к Эдзелино, обнял его, и эти знаки расположения показались своего рода протестом против предпочтения, оказанного Джованной Орио Соранцо. Свадебное шествие остановилось, и любопытные сгрудились, чтобы получше увидеть сцену, в которой они надеялись найти объяснение неожиданной развязки помолвки Эдзелино и Джованны. Однако любители скандальных происшествий разошлись неудовлетворенными. Рассчитывали, что с той и другой стороны последуют вызовы, шпаги вылетят из ножен, а вместо этого увидели объятия и поздравления. Морозини приложился к руке синьоры Меммо и поцеловал в лоб Арджирию, к которой привык относиться как к дочери. Потом он тихонько привлек ее к себе, и молодая девушка, не устояв перед безмолвной просьбой всеми чтимого вельможи, подошла совсем близко к Джованне. Та бросилась к старой подруге и в неудержимом порыве расцеловала ее. Тут же она протянула руку Эдзелино, который спокойно и почтительно коснулся губами ее пальцев, прошептав:

— Ну как, сударыня, вы мною довольны?

— Вы навеки мой друг и брат, — ответила ему Джованна.

Она не отпускала от себя Арджирию, а Морозини взял под руку синьору Меммо и увлек за собой также Эдзелино, опершись на его руку. Таким образом шествие снова двинулось вперед и дошло до гондол под звуки труб и приветственные клики народа, который бросал цветы под ноги новобрачной, как бы взамен денег, щедро разбросанных ею с церковной паперти. Так и не пришлось на этот раз никому судить да рядить о неудаче отвергнутого жениха и торжестве предпочтенного. Заметили только, что оба соперника были очень бледны и что, стоя в двух шагах друг от друга, ежеминутно соприкасаясь, все время переговариваясь с одними и теми же собеседниками, они прилагали все старания к тому, чтобы не смотреть друг другу в лицо и не слушать, что каждый из них говорит.

Когда все прибыли во дворец Морозини, вельможа прежде всего отвел в сторону графа и его дам и горячо выразил им свою благодарность за столь великодушное проявление миролюбия.

— Мы вынуждены были так поступить, — ответил Эдзелино почтительно,